

этнографу, статистику и администратору, да он и не свободное творчество, которым удовлетворяется фантазия читателя. Он в одно время правдив и обманчив для всех требований. Неудобства этого рода поправляются только глубочайшей опытностью в деле художнического производства, как мы именно видим у г-на Достоевского. „Мертвый дом“ его представляет редкое сочетание голы истины, ослабленной литературной передачей ее, и артистического создания, ограничиваемого грубым фактом и беспощадной действительностью. Это не простое описание тюрьмы, это также не воспроизведение тюрьмы свободною кистью, а скорее художнический и философский комментарий на нее. Благодаря этому качеству, мы видим, что светлый луч искусства и даже поэзии играет у г-на Достоевского на стенах ужасного дома и пробивается внутрь его, оставляя его по-прежнему домом печального назначения, но изменив его безобразной паружности и не разукрашивая фальшивым освещением. Что сделалось у него с домом, то сделалось и с людьми. Они остались злодеями, каждый по-своему, но глубокий психический анализ уже объяснил и частично смягчил их преступления. Не то у г-на Помыловского...»

Г. В. СТЕПАНОВА

«СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ»

(Достоевский и Гоголь)

Исследованиями ученых-достоевистов установлено, что Достоевский в своем творчестве при создании характеров героев и различных, особенно острых и «фантастических», ситуаций обращался к произведениям Гоголя. Гоголевские герои присутствуют у него не только в художественных произведениях, но и в публицистике. Особенно часто использовал писатель «Ревизора» и «Мертвые души». Из героев «Мертвых душ» больше всего у него встречаются Чичиков, Ноздрев, Манилов, Коробочка, Собакевич. Особо важное место отводит Достоевский в своих творениях образу русской тройки.¹

Плюшкин появляется у Достоевского лишь однажды. Он назван в романе «Подросток» (1875). Рассказывая о двух нищих, у которых после смерти обнаружили большие суммы, Аркадий говорит: «... это были лишь Гарпагоны или Плюшкины в чистейшем их виде, не более...» (13, 67). По Плюшкин пе-

¹ Библиографию работ о Достоевском и Гоголе см.: Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965. М., 1968. Упоминания «Мертвых душ» в произведениях Достоевского см. по Указателям имен и произведений: 17, 465; 27, 434. См. также статью Г. М. Фридрихера «Достоевский и Гоголь» — наст. изд., с. 3—21.

сколько необычно присутствовал в сознании Достоевского при создании им в 1864—1862 гг. рассказа «Скверный анекдот».

Первоначально, что следует из черновой записи 1864 г., «Скверный анекдот» назывался «Несчастный случай» (см.: 5, 322, 352). На какой стадии работы писателя над этим рассказом появилось его окончательное название, под которым он и был напечатан (Время, 1862, № 41), установить не представляется возможным из-за отсутствия рукописей.

«Скверный анекдот» начинается так: «Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось с такою неудержимую силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам» (5, 5. Здесь и ниже курсив наш. — Г. С.). Слово сочетание «скверный анекдот» возникает в рассказе еще раз. Обнаруживается нечеловеческие кареты Пращинского. «— Скверный анекдот! — произнес господин Шипуленко...» (5, 10).

Не восходит ли *скверный анекдот* у Достоевского к *скверному анекдоту* у Гоголя? Это наблюдение принадлежит С. Г. Бочарову (см.: 10, 519). В «Мертвых душах» (т. I, гл. 6) Плюшкин, всячески приbedняясь, говорит Чичикову: «Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая, прескверная...». И чуть далее: «... Такой *скверный анекдот*, что сена, хоть бы клоч в целом хозяйстве!»² Это словосочетание в словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова не отмечено. В картотеке Большого академического словаря в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР зафиксированы лишь приведенные нами слова Плюшкина.

Эта связь Достоевского с Гоголем может быть подчеркнута еще несколькими соображениями. Отметим, что в «Скверном анекдоте» имя Гоголя названо. Решив отправиться на свадьбу к своему подчиненному, мелкому чиновнику Пселдонимову, действительный статский советник, «молодой генерал» Пращинский думает при этом так: «Ну уж, конечно, они меня посадят с самым важным гостем, какой-нибудь там титулярный или родственник, отставной штабс-капитан с красным... Славно этих оригиналов Гоголь описывал» (5, 14).

Описание Достоевским «этих оригиналов» (уотребляя выражение Пращинского) родственно гоголевской манере, а порою восходит к Гоголю. Сказывается это, в частности, в именах героев «Скверного анекдота». М. С. Альтман в своей книге о Достоевском поместил специальный раздел: «Гоголевские наименования у Достоевского».³ К числу гоголевских, хотя и измененных, фамилий М. С. Альтман относит фамилию Шипуленко из «Скверного анекдота», восходящую к Шаууаленко из «Ночи

² Гоголь П. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1951, т. 6, с. 121.

³ См.: Альтман М. С. Достоевский: По векам имен. Саратов, 1975, с. 146—155.

перед Рождеством».⁴ По его мнению, «гоголевскому Михееву, каретнику Собакевича в „Мертвых душах“ (...) соответствует кучер Михей в „Скверном анекдоте“...» (см.: 5, 6).⁵ Клеопатра Семеловна, по наблюдению М. С. Альтмана, относится к тем гоголевским наименованиям, в которых несоответствие между высокопарным античным именем и заурядным отчеством производит комический эффект.⁶

На наш взгляд, по-гоголевски звучит фамилия Пселдонимов. Она далеко не случайно образована от Псевдонимова. Характер этого забитого и на службе, и в быту героя оказывается гораздо более определенным, чем казалось на первый взгляд, твердым и даже мужественным перед «сильными мира сего». Так что Пселдонимов в какой-то мере вроде бы псевдоним.⁷

К этому же типу фамилий относится и Пралинский. Она образована от французского слова *praline* (миндаль, поджаренный в сахаре. — Наблюдение А. М. Ремизова). Пралинский вроде бы «сладкий» — мягкий, гуманный, либеральный, а внутри он «горький» — жесткий, совсем не гуманный и не либеральный. Гоголевскими являются в этом рассказе фамилии Млекопитаевы, Зубиков, как и вышеупомянутые, не только по чисто внешнему звучанию, но и по соответствию внутреннему миру их носителей.

Соотнесение «Скверного анекдота» с Гоголем имеет и более важный, более существенный аспект. Мир маленьких людей изображен в суровых красках. Маленький человек Пселдонимов изуродован силой внешних обстоятельств и зависимостью от «сильных мира сего». Но между ним и Башмачкиным из «Шинели» Гоголя есть и принципиальное различие. Он не безроптен, настроен враждебно к Пралинским, внутренне непокорен (см. об этом: 5, 353—354). И все же при этом гуманистическая позиция Достоевского питается гуманизмом гоголевской «Шинели», где симпатии писателя отданы миру Башмачкиных. В «Скверном анекдоте» безусловная близость Достоевского к Салтыкову-Щедрину в оценке эпохи реформ и либерального красновидства сочетается со следованием традициям Гоголя.

«Художественно-идеологическое построение рассказа и его наименование „Скверный анекдот“, — пишет комментатор его Е. И. Кийко, — удивительно точно выражают дух той эпохи русской жизни, которую Салтыков-Щедрин охарактеризовал как „эпоху конфуза“...» (5, 354). Тем значительнее и имеет глубокие причины, что «Скверный анекдот» даже по названию, а по существу значительно глубже, связан с Гоголем.

⁴ Там же, с. 149.

⁵ Там же, с. 147.

⁶ Там же, с. 153.

⁷ Наше истолкование фамилии Пселдонимов отнюдь не отменяет предположения В. С. Нечаевой о ее происхождении из фольклора Д. Д. Минаева во «Времени» (см.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972, с. 214).

В начале 1860-х гг., в пору создания «Скверного анекдота», Достоевский многократно обращался к Гоголю. Он размышляет о его значении для развития отечественной литературы в «Ряде статей о русской литературе» (1861. См.: 19, 12, 60. См. об этом выше на с. 3—21). Герои же «Мертвых душ» — Копейкин, Костяжкогло, Чичиков, Коробочка — упомянуты в «Ряде статей...», в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и в «Записках из подполья» (см.: 5, 58, 126 и 18, 60—62).

Т. И. ОРНАТСКАЯ

«КРОКОДИЛ». «НОДРОСТОК»

(Дополнение к комментарию)

В статье М. П. Алексеева «Обо одном эпитафье у Достоевского» приведен обширный материал, касающийся источников фразы-восклицания о Ламбере: «Ohè, Lambert! Où est Lambert? As-tu vu Lambert?». Этот материал был извлечен ученым из «Дневника» Э. Гошкура, исследованной Р. Алексаитра и Р. Ланжерона, у хроникера журнала «Revue des Deux Mondes» Э. Форкада. Подробно процитировав все, что касалось возможного происхождения эпитафья, М. П. Алексеев пришел к выводу, что Достоевский «мог прочесть этот возглас и толки о его происхождении в любой французской газете того времени».¹ Но дело в том, что вся история с ходячим выражением, взятым Достоевским в качестве эпитафья к «Крокодилу», относится совершенно однозначно к августу 1864 г. А летом—осенью этого года у Достоевского, только что сгоревшего брата и пытавшегося ввести в рамки безнадежно занавывавший журнал, буквально не было ни минуты времени для чтения каких-либо иностранных газет.² Это, разумеется, не относилось к русским газетам и журналам, постоянное чтение которых было не только обычной потребностью, но и вызывалось характером всей творческой работы Достоевского как писателя, «одержимого тоской по текущему», и к тому же журналиста, издающего собственный журнал. Поэтому более правдой представляется В. С. Нечаева, указавшая на присутствие восклицания о Ламбере в отредактированном Достоевским для «Эпохи» политическом обозрении А. А. Головачева. «Наличие сведений о парижской шутке в сентябрьском политическом обозрении „Эпохи“ позволяет предположить, — пишет исследовательница, — что, готовя

¹ См.: Проблемы теории и истории литературы. М., 1971, с. 371.

² Даже живя за границей, Достоевский обычно читал только русские газеты. Так, 14 (26) декабря 1869 г. он писал С. А. Ивановой из Дрездена: «В вечернюю прогулку захожу в Читальню, где получают русские газеты, и читаю „С. Петербургские ведомости“, „Голос“ и „Московские ведомости“ (29, с. 89)».